

ВАСИЛЬЕВ К.К.

**К ВОСПОМИНАНИЯМ С.Б.ДУБРОВИНСКОГО (1885-1975) О
ПРОФЕССОРАХ Л.А.ТАРАСЕВИЧЕ, П.Н.ДИАТРОПТОВЕ,
Е.И.МАРЦИНОВСКОМ И В.А.БАРЫКИНЕ**

У статті, що передує розділу спогадів епідеміолога, доктора медичних наук, професора Самуїла Борисовича Дубровинського “О руководителях Государственного научного института народного здравоохранения (ГИНЗ): Лев Александрович Тарасевич (1868-1927), Петр Николаевич Диатропов (1858-1934), Евгений Иванович Марциновский (1874-1934), Владимир Александрович Барыкин (1879-1939)”, наводяться основні віхи життя та діяльності вченого, даються пояснення і доповнення до даного фрагменту його мемуарів.

Эпидемиолог и микробиолог Самуил Борисович Дубровинский родился в местечке Нововоронцовка Херсонской губернии, в 1907 г. экстерном сдал экзамены за полный гимназический курс при мужской гимназии в Павлограде (теперь в Днепропетровской обл., Украина), высшее медицинское образование получал в Лейпцигском и Берлинском университетах, в 1914 г. подтвердил свой заграничный диплом в испытательной комиссии при Императорском Харьковском университете, с началом Первой мировой войны - врач на фронте, в 1916 г. был ранен, после чего осталась инвалидность (ходил с палочкой).

С 1917 г. Дубровинский жил в Москве, где с 1919 г. работал в Государственном институте народного здравоохранения (ГИНЗ), с 1921 г. - в Центральном бактериологическом институте, с 1924 г. - в Санитарно-гигиеническом институте ГИНЗа, с 1931 г. в Центральном институте эпидемиологии и микробиологии, с 1933 г. - в научно-исследовательской лаборатории санитарии и эпидемиологии на железнодорожном транспорте. В 1936 г. он получил степень доктора медицинских наук без защиты диссертации, в 1938 г. был репрессирован, в конце 1943 г. освобожден с разрешением поселиться в Ташкенте, где жил с января 1944 г. до кончины. В 1944 г. Дубровинскому было присвоено звание профессора, работал в местном институте эпидемиологии¹.

Проф. С.Б.Дубровинский автор воспоминаний “О памятных встречах и контактах с ведущими деятелями советской профилактической медицины. (Из воспоминаний старого эпидемиолога)”, фрагменты которых нами были впервые опубликованы: “Вместо вступительного слова”, “Послесловие”, “Почетный академик Академии наук СССР Николай Федорович Гамалея”². Машинопись воспоминаний хранится в нашем личном архиве. Ниже мы впервые публикуем еще один фрагмент из воспоминаний Дубровинского - о профессорах Л.А.Тарасевиче, П.Н.Диатропове, Е.И.Марциновском и В.А.Барыкине. Все сноски в воспоминаниях наши.

Перечисленные четыре профессора были руководителями Государственного научного института народного здравоохранения (ГИНЗ).

ГИНЗ был организован Народным комиссариатом здравоохранения (НКЗ) РСФСР на базе национализированных советской властью научных учреждений “Общества московских научных институтов в память 19 февраля 1861 года”: Бактериологического института (при нем Центральная контрольная станция сывороток и вакцин), Физиологического института и Института экспериментальной биологии. Являясь центральным научным учреждением Наркомздрава, ГИНЗ должен

был изучать и разрабатывать научные и научно-практические вопросы в области гигиены, микробиологии, химии, экспериментальной биологии и физиологии питания. В его составе было восемь институтов: Институт контроля сывороток и вакцин (открыт в 1919 г.), Санитарно-гигиенический институт (1920 г.), Тропический институт (1920 г.), Институт физиологии питания (1919 г.), Институт экспериментальной биологии (1919 г.), Биохимический институт (1921 г.), Микробиологический институт (1921 г.) и Туберкулезный институт (1922 г.). Во главе ГИНЗа стоял Научный совет из директоров перечисленных институтов, ученого секретаря и представителя санитарно-эпидемиологического отдела НКЗ. Научный совет ГИНЗа избирал и представлял на утверждение народного комиссара здравоохранения РСФСР президиум в составе директора ГИНЗа, его заместителя и ученого секретаря. В 1919-1921 гг., до учреждения должности ученого секретаря, управляющим делами и секретарем ГИНЗа был С.Б.Дубровинский - автор воспоминаний.

Лев Александрович Тарасевич (1868-1927) был первым директором ГИНЗа и одновременно первым директором Института контроля сывороток и вакцин до дня своей кончины. Бактериолог и патолог, академик Академии наук Украинской ССР, проф. Тарасевич окончил Кишиневскую гимназию в 1886 г. и тогда же поступил на естественное отделение физико-математического факультета Императорского Новороссийского университета в Одессе. В 1891 г. он окончил университет и уехал в Петербург, где поступил в Императорскую военно-медицинскую академию. В апреле 1893 г. состоялось венчание студента Тарасевича с Анной Васильевной Стенбок-Фермер. После женитьбы молодожены уезжают в Париж, где Л.А.Тарасевич продолжил свое медицинское образование в Сорбоннском университете. В 1897 г., получив диплом врача, Тарасевич с супругой возвращаются на родину и с 1899 г. он помощник прозектора кафедры общей патологии Императорского университета Святого Владимира в Киеве у проф. В.В.Подвысоцкого (1857-1913). В 1900 г. проф. Подвысоцкий переводится деканом медицинского факультета и профессором Императорского Новороссийского университета. Вслед за ним в Одессу приезжает Тарасевич, где он в 1901-1907 гг. был прозектором кафедры общей патологии, в 1902 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 1908-1924 гг. он - профессор медицинского факультета Московских высших женских курсов (после революции медицинский факультет 2-го Московского университета, а ныне - Российский государственный медицинский университет). В 1919 г. проф. Тарасевич, как уже отмечено выше, возглавил ГИНЗ. Кроме того, он был председателем Ученого медицинского совета Народного комиссариата здравоохранения РСФСР.

Воспоминания проф. Дубровинского являются важным свидетельством о Л.В.Тарасевиче, но, вместе с тем, они, фиксируя внешнюю сторону, не показывают внутренний мир русского интеллигента оставшегося на родине под властью большевиков. Поэтому для того, чтобы мы смогли правильно понять проф. Тарасевича, который был активным членом конституционно-демократической партии, то есть либералом по убеждениям, вовсе не коммунистом, даже не социалистом, необходимо здесь привести цитаты из воспоминаний о нем Е.Д.Кусковой (1869-1958), высланной из страны в 1922 г. Воспоминания Е.Кусковой были написаны после кончины Тарасевича и опубликованы в Париже в 1927 г. Они объясняют нам, почему ученый остался на родине, не эмигрировал, почему он сотрудничал с советской властью.

Е.Кускова: *“Льва Александровича Тарасевича я особенно близко узнала и горячо полюбила за время первых пяти лет после Октября. Сблизила нас общность понимания, - быть может, ошибочного, процесса развала России и способов ее восстановления. Началось с глубоко интимных разговоров и размышлений - какой дорогой идти. Ни он, ни я, ни наш маленький интимный кружок ни на одну минуту не верили в целесообразность хирургии в таком бездонно-глубоком процессе, как русская революция. И наоборот - глубоко верили в “изживание”, в тяжелый процесс радикального перерождения психики серых русских людей. Отсюда - вера в работу внутри России, - работу нечеловечески трудную. Однажды я выразила удивление, почему он, ученый человек, чтимый учеными Европы, остался в нестерпимой подчас духоте Советской России. Ведь в смысле личного устройства, в смысле покоя для научной работы, ему были открыты за границей все дороги. Он не захотел, однако, променять тяжкие условия работы в родной стране на эти открытые для него удобства Запада.*

- Но я недавно размышлял об этом, задумчиво сказал он. Я - исследователь по профессии своей и хочу видеть русскую жизнь не в чужой передаче и не в отдалении от неё. Затем у меня трое полувзрослых детей. Я не хочу, чтобы они были иностранцами. Пусть впитывают в себя всю печаль, весь трагизм русской жизни: ведь им предстоит перестраивать ее. <...> Что же касается трудной работы с большевиками, работы изматывающей, подчас глубоко унижительной для нас, интеллигентов, то ... Ведь от этой работы не может же убежать вся интеллигентская Россия. Эта работа, работа не саботажная, работа по совести и без компромиссов в ее конечной цели, - наша обязанность, оставшихся тут ...

И он работал с громадным напряжением. <...> И всюду - с достоинством, без боязни наткнуться на препятствие или сесть рядом с коммунистом. И нередко приходилось проявлять большую твердость... Так, он безоговорочно отклонил предложение свидетельствовать перед лицом Европы о росте русской науки. <...> Он не боялся работать “через советскую власть”, но не боялся и высказывать ей, этой власти, свое откровенное суждение о ней. Это достоинство его ценилось, уважалось: Тарасевич - не гнул; он был тем, чем он был”³.

И далее: *“Бывало позвонишь ему, когда придет срок очередной отсидки его друга, Н.М.Кишкина (один из лидеров партии кадетов, последний министр государственного призрения во Временном правительстве - К.В.), и услышишь глухой возглас возмущения:*

- Как? Опять? Опять? Сейчас приеду, - обсудим, с какого бока начать хлопоты... В каком состоянии он взят? Здоров ли?

Приедет, закроет глаза, усталые глаза, и долго сидит в странно-неподвижном состоянии. Вернешь его к жизни - вопросом. И получишь - в ответ:

- Боже! Если б вы только знали, как я устал, как страшно устал - от всего. Забыться бы, не видеть...

А через час, два, снова едет, организует, что-то сцепляет, ладит снасти разбитого бурей корабля...”⁴.

После того как Е.Д.Кускова вместе с мужем были высланы из Советской России, они вначале поселились в Германии. В 1923 г. во время заграничной командировки проф. Тарасевича состоялась их берлинская встреча.

Е.Кускова: *“ - Лев Александрович! Вас обвиняют в том, что пропагандой здесь советской науки, вы укрепляете советскую власть...*

Вспыхнул, разъярился - болезненно:

- Да, я укрепляю и буду укреплять советскую власть в той мере, в какой она стремится организовать необходимую России органическую работу. Всякий кусок - даже самомалейший - этой органической работы укрепляет советскую власть и одновременно, и в гораздо большей степени - Россию... А всякий кусок собственной коммунистической пропаганды власти разрушает не только Россию, но и саму власть...”⁵.

С.Б.Дубровинский писал свои воспоминания где-то в 1960-х годах, но и тогда он не осмелился написать правду о кончине проф. Тарасевича (пишет - “умер от несчастного случая, будучи на излечении в Саксонском санатории”), а он ее, безусловно, знал. Знал, как знало отечественное сообщество микробиологов и эпидемиологов, изустно передавая сведения об этом, и я в 1970-х годах об этом слышал.

Но тогда, в далеком июне 1927 г., когда в советских газетах, а затем в советских медицинских журналах появились некрологи, в них было скрыто самоубийство Тарасевича. “В этом изумительном сокрытии так ясен глубокий, непобедимый страх перед Внутренней Россией...” (Е.Кускова)⁶, а для старого профессора-эпидемиолога, отсидевшего не один год в ГУЛАГе, помнившего знакомых и товарищей погибших в застенках советской тайной полиции, это слово “самоубийство” стало на всю его долгую жизнь табу.

Е.Кускова, которая в 1927 г. жила уже в Праге, первые сведения о самоубийстве Л.В.Тарасевича прочитала в “Прагер Прессе”: “В Дрездене, в санатории д-ра Ламана, покончил с собой проф. Тарасевич”, а затем пришло письмо от общего друга, который был свидетелем дрезденской трагедии. “Он, действительно, покончил с собой страшным способом. Врач, ученый бактериолог, легкой смерти не захотел. В половине шестого, утром, в Троицын день, он связал два платка, привязал их к решетке балкона и закинул петлю на шею... Оборвалось... Он сорвался с высоты 10 метров, сломал четыре ребра, но сознания не потерял; сам дошел с помощью сестры и доктора в свою комнату. Умер на другой день от кровоизлияния в легкое, - в пять часов вечера в Духов день. Умер во сне, безболезненно и тихо”⁷.

Е.Кускова: “О русской революции, о её реальных ужасах, спокойные историки - исследователи напишут в будущем бесчисленное множество исследований. Но едва ли вскроют они то, что является для нас, её современников, быть может, самым трагическим символом её: мятущуюся, истерзанную, какую то на части расщепленную душу русского интеллигента... Больше столетия искал мыслящий русский интеллигент дорогу “по совести”. Искал страстно, не считаясь с жертвами. Один миг показалось, что он нашел её, эту дорогу по совести, - вместе с народом. Затем все смешалось в кровавом тумане; столбовая дорога засыпалась обломками рухнувшей громады государства, и скорбный лик русского интеллигента - в символах живых и мертвых мучеников - снова стоит перед нами, - в поисках верной дороги. А дороги, прямой, ровной и ясной дороги, ведущей к давнишней и заветной цели, - государства правды и свободы, - все нет, и нет, и нет... А если нет ясной дороги, то налицо и другая трагедия: разномыслие одинаково честных людей, одинаково искренних искателей путей, - разномыслие, недоверие, разлад, расщепленность прежних стойких и крепких организаций... Медленно чертится историей заколдованный круг: искать дорогу надо вместе, сцепившись крепко душой и помыслом, а на пороге к этому - подозрительность, отчуждение, глубокая оравленность боязнью - ошибки...”⁸.

“И хочется сказать тем, кто еще не научился уважать и ценить этот путь работы по восстановлению тяжело больной страны: г.г. судьи должны помнить, что работа в России русской интеллигенции не спокойный берег и не “приспособленчество” к временным хозяевам жизни. Это - тяжкая работа в тех условиях, которые, быть может, еще не скоро “преобразятся”, да и самое преобразование которых может быть лишь плодом такой работы. И пусть же не коснется слово несправедливого осуждения памяти общественника, уставшего и замученного ужасами русского расстройтва. Да и награда за такое его мировоззрение не соблазнительная: всего только петля из двух платков...”⁹.

С тех пор советская власть сформировала новую, как она считала “пролетарскую” интеллигенцию, и кажется иногда, что это так. Нет старой русской интеллигенции с ее страстными исканиями дороги правды, прервалась связь времен, но это только кажется. Присмотревшись, с удивлением обнаруживаешь, не в каждом в отдельности современном интеллигенте - качества русского интеллигента не размазаны равномерно как масло на бутерброде, бог стало быть не дал эти свойства каждому в равной мере, а вот встретишь человека и удивишься - как много у него от нашей старой интеллигенции. Русский интеллигент, он и в Африке интеллигент, недавно услышал по ТВ, когда разговор в передаче пошел о рассеянной ныне по миру нашей интеллигенции. Добавлю - русский интеллигент это явление вне временное.

Следующий отрывок из воспоминаний проф. Дубровинского о Петре Николаевиче Диатропове (1858-1934). Он родился в городе Наровчат Пензенской губернии (ныне в Пензенской области) в семье чиновника. Его отец Николай Иванович Диатропов из духовного звания, среднее образование получал в Пензенской духовной семинарии, откуда был уволен из высшего отделения в сентябре 1841 г. и тогда же в службу вступил в штат канцелярии Пензенской гимназии исправляющим должность младшего письмоводителя, с декабря этого же года - старший письмоводитель.

В 1843 г. Н.И.Диатропов перемещен был на таковую же должность Пензенского дворянского института, 27 февраля 1847 г. получил первый чин - канцелярского регистратора. В 1849 г. он переезжает в Наровчат, где продолжает службу письмоводителем в Наровчатском окружном управлении, в 1850 г. получил чин губернского секретаря, в 1854 г. - коллежского секретаря, в 1857 г. - титулярного советника, а в 1861 г. возвращается в Пензу на должность столоначальника Пензенской палаты государственных имуществ и в том же году уходит в отставку по домашним обстоятельствам. Однако зарабатывать на жизнь было надо и 10 мая следующего года Н.И.Диатропов определен приставом 1 стана Пензенского уезда, в 1864 г. произведен в коллежские асессоры и перемещен на должность пристава 2 стана Наровчатского уезда.

Николай Диатропов был женат на Елене Семеновне. В семье одним за другим рождались дети. Возможно, некоторые из них умерли в младенческом возрасте, а к 1865 г. в формулярном списке их отца были записаны следующие: Константин (род. 16.05.1845), Александр (род. 10.08.1846), Владимир (род. 9.07.1852), Евгений (род. 1.01.1856), Петр (род. 19.12.1858) и Дмитрий (род. 21.09.1861). К этому времени Константин обучался в школе межевых инженеров, Александр воспитывался в Пензенском дворянском институте, а прочие находились при родителях¹⁰. Александр Диатропов стал крупным судебским чиновником, был женат на Софье Семеновне Тростянской (1846-1928), происходившей из дворянской семьи родственников

Гончаровым (чуть ли не двоюродная племянница Наталье Николаевне Пушкиной), имел дочь Ольгу (в замужестве Савинич; 1884-1942) и сына Бориса Диатроптова (1883-1942), окончившего в 1906 г. юридический факультет Императорского Московского университета и дружившего с поэтом Ходасевичем, а невестка его (жена Бориса) - Александра Ионовна Диатроптова (урожденная Каблучкова, по первому мужу Хотунцева; 1882-1962), внук - Даниил Борисович Диатроптов (род. 1923)¹¹.

Итак, Петр Диатроптов родился, когда его родители жили в городе Наровчат, где в Троицкой церкви 28 декабря 1858 г. его крестили, как видно из метрического свидетельства¹². С 1861 г. Диатроптовы снова живут в Пензе, где в 1870 г. двенадцатилетний Петр поступил в Пензенскую гимназию. При поступлении он предъявил свидетельство от 29 июля 1870 г. подписанное пензенским городским врачом о том, что у него *“привита предохранительная оспа и нет болезней, могущих препятствовать ему к поступлению в какое-либо общественное заведение”*¹³. В гимназии Петр Диатроптов учил латинский, греческий, немецкий и французский языки. В 1878 г. он получил аттестат зрелости и тогда же поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. В 1883 г. П.Н.Диатроптов получил аттестат лекаря и, кроме того, посчитал необходимым сдать экзамены на звание уездного врача, о чем ему было выдано свидетельство¹⁴.

С.Б.Дубровинский отмечает в своих воспоминаниях, что *“ничего не известно о первых годах жизни”* проф. Диатроптова и указывает на то, что *“для полноты картины следует это выяснить”*. Приведенными данными мы как раз и восполнили данный пробел, который в советскую эпоху трудно было заполнить. У П.Н.Диатроптова ведь дед был *“духовного звания”*, отец во вторую половину жизни - становой пристав, то есть начальник полиции стана (административно-полицейского подразделения уезда). Такое, далеко не пролетарское происхождение, необходимо было скрывать. Для этого меняли дату и место рождения. Не случайно, что после 1917 г. проф. Диатроптов пишет, что родился 21.12.1859 г., что не соответствует истине. Эти данные приводятся в его некрологах, юбилейных статьях, энциклопедиях, а в последних - на 2009 г. - *“Знаменательных и юбилейных датах истории медицины”* местом рождения его указана Пенза¹⁵.

В 1883-1884 гг. Диатроптов - врач Могилевского уезда Подольской губ. (г.Могилев, ныне Могилев-Подольский, Винницкая обл.), после этого - земский санитарный врач Елисаветградского уезда Херсонской губернии (г.Елисаветград, ныне - г.Кировоград). В 1886 г. начинает свою работу Одесская бактериологическая станция и в следующем году Диатроптов принимает участие как курсант на первых бактериологических курсах, проведенных под руководством И.И.Мечникова. В 1889 г. он, состоя в должности санитарного врача того же Елисаветградского уезда, получил у губернской управы отпуск для поездки в Москву с целью заняться в гигиенической лаборатории проф. Ф.Ф.Эрисмана.

К прежнему месту службы Петр Николаевич не вернулся, так как 1 марта 1890 г. был назначен санитарным врачом г.Одесса. Содержание земского санитарного врача в Одессе (деньги ассигновало Херсонское губернское земство и отсюда такое название должности - не просто одесский санитарный врач, а земский санитарный врач Одессы) составлял 1400 руб. в год. При нем находился счетчик с жалованием в 25 руб. в месяц. Диатроптову периодически приходилось бывать в Херсоне по вызову губернской управы и в этом случае в возмещение расходов ему выплачивалось на прогоны от г.Херсон до г.Одесса 16 р. 56 к. и суточные по 2 р. 50 к. (данные на 1890 г.)¹⁶.

С 1 июля 1893 г. по 1 июля 1908 г. П.Н.Диатроптов - заведующий Одесской бактериологической станцией. В начале 1890-х годов появляются первые публикации об антидифтерийной сыворотке. В 1894 г. Диатроптов получил командировку в Германию, Францию и Англию для ознакомления с производством этой сыворотки и в конце февраля 1895 г. станция в Одессе приступила к изготовлению антидифтерийной сыворотки. В 1908-1910 гг. Диатроптов принимал участие в борьбе с холерой в Поволжье и после этого переезжает в Москву¹⁷. О последующей его деятельности в воспоминаниях С.Б.Дубровинского.

Хочется обратить внимание читателей на следующий пассаж мемуариста. На рубеже 1920-х - 30-х годов *“возникали новые задачи, и требовалось их выполнение с участием новых сил. Для этой цели во все институты были направлены молодые партийные кадры, перед которыми ставилась задача овладеть изучаемыми здесь дисциплинами до пределов, необходимых для руководящих научных работников”*.

Если в 20-х годах в научных учреждениях советская власть использовала старые научные силы (*“буржуазная интеллигенция”*; или *“спецы”*, что звучит более лояльно на советском жаргоне, а если мы скажем *“советские спецы”*, то лучше не бывает) и в том числе на административных должностях в научно-исследовательских институтах досоветская интеллигенция была представлена, то к десятилетию (пятнадцатилетию) советской власти, когда вузы страны окончила многочисленная поросль молодых коммунистов (*“молодые партийные кадры”*), именно ими заполняли административные должности в научных институтах. Такой классовый (партийный) подход не всегда оказался плодотворным для развития науки в стране, но в некоторых случаях, это нельзя отрицать, среди выдвинутых оказались впоследствии способные администраторы от науки.

Вместе с тем эта новая административная партийно-научная элита создавала в советских научных учреждениях специфический дух, я бы сказал догматическо-иезуитскую атмосферу, которая вела к деградации многих направлений научных исследований в советской стране. И ещё. Новая научная элита совмещала административную работу в советском научном учреждении с деятельностью осведомителя, сексота, проще говоря, стукача, и это также то новое, что привнесли в отечественное научное сообщество юные и не совсем юные пламенные революционеры-ленинцы.

Проф. Дубровинский отмечает, что в 1923 г. Петр Николаевич Диатроптов получил заграничную командировку в Берлин и Париж и, что после этого им была опубликована в журнале *“Гигиена и эпидемиология”* статья отчетного характера. Здесь нужно дать пояснение, что действительно публикация на страницах журнала появилась, но она посвящена только X Конгрессу французских гигиенистов, который состоялся с 22 по 26 октября 1923 г. в Париже¹⁸.

Фактически, пишет П.Н.Диатроптов, научные заседания конгресса были только три дня (23-25.10.1923) так как в первый день была встреча французских гигиенистов, а последний был отдан экскурсии. Отличительной чертой конгресса, как и всех вообще европейских съездов, являлась строгая определенность программы, ограниченность выдвинутых вопросов и наличность по этим вопросам сводных руководящих докладов.

Из руководящих докладов особое внимание привлекло сообщение проф. А.Кальметта (A.Calmette; 1863-1933) *“Борьба с туберкулезом”*. Это заболевание приняло особенно широкое распространение в Европе во время мировой войны. Во Франции борьба с туберкулезом в ту эпоху основывалась на особенной заботе о детях

- функционировала сеть специальных учреждений в виде диспансеров, приютов, поликлиник, а также проводились ряд укрепляющих детский организм мероприятий в школах. Проф. Кальметт сообщил и о том, что в Пастеровском институте работают над вакциной против туберкулеза. Блестящим по конструкции и изложению был доклад проф. А.Боррел (A.Borrel; 1867-1936) "*О значении бактерий в биологической очистке*" в котором автор показал роль микробов в естественных условиях почвы и при искусственных сооружениях (полях орошения, биологических станциях) и в установках по биологической очистке при помощи активного ила. В общем конгрессе, заключает проф. Диатроптов, оставил очень приятное деловое впечатление. Он дал ясное представление о научных достижениях в затронутых вопросах и указал путь к их практическому осуществлению, хотя на нем не было сенсационных докладов, не было опубликовано каких-либо новых открытий. Сейчас, по прошествии почти столетия, мы можем сказать, что возможно сенсацией на конгрессе могло бы быть сообщение о вакцине БЦЖ (BCG: Bacillus Calmette-Guerin; бацилла Кальмета-Герена). Над этой вакциной против туберкулеза А.Кальметт с К.Герен (Guerin; 1872-1961) работали с 1908 г., а 18 июля 1921 г. в парижском госпитале Шарите вакцинировали первого новорожденного, чья мать умерла от туберкулеза через несколько часов после родов. Однако французские ученые были осторожны, к широким опытам на людях приступили только в 1924 г., в 1928 г. вакцина БЦЖ была наконец принята Лигой Наций, а после Второй мировой войны проведенная в Восточной Европе вакцинация более 8 миллионов детей предотвратила, считается, прогнозируемый рост туберкулеза.

Ниже мы отмечаем некоторые даты жизни проф. Диатроптова, которые не четко указаны или вообще не приведены мемуаристом.

В 1910-1917 гг. Диатроптов возглавлял кафедру общественной медицины на медицинском факультете Московских высших женских курсов. В 1917 г. стал заведовать кафедрой гигиены там же. В 1920-1928 гг. он - заместитель председателя научного совета Государственного научного института народного здравоохранения имени и одновременно директор одного из институтов ГИНЗа - Санитарно-гигиенического (1920-1929). В 1928-1931 гг. - директор Института контроля сывороток и вакцин ГИНЗа. Кроме того, в 1919-1927 гг. - товарищ (то есть заместитель) председателя, а в 1927-1932 гг. - председатель Ученого медицинского совета Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. В 1928 г. постановлением Совета народных комиссаров Диатроптову присвоено звание заслуженного деятеля науки РСФСР. С 1931 г. проф. Диатроптов был консультантом Института контроля сывороток и вакцин.

Евгений Иванович Марциновский (1874-1934) был организатором Тропического института ГИНЗа - ныне Институт медицинской паразитологии и тропической медицины им. Е.И.Марциновского Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова. В 1899 г. он окончил медицинский факультет Императорского Московского университета. С того же года стал работать в Павловской больнице в Москве. В 1909 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины. Совершил ряд научных поездок по Российской империи. В 1920 г. Е.И.Марциновский возглавил Тропический институт и о его деятельности в 1920-30-х годах рассказывает проф. Дубровинский. Добавлю только, что в 1923-1930 гг. он был и заведующим кафедрой инфекционных болезней II Московского государственного университета (ныне - Российский государственный медицинский университет). В 1934 г. проф. Марциновскому было присуждено звание заслуженного деятеля науки РСФСР¹⁹.

И последний, о ком пишет проф. Дубровинский - организатор Института

микробиологии ГИНЗа Владимир Александрович Барыкин (1879-1939). Он в 1900 г. окончил медицинский факультет Императорского Казанского университета. Затем работал в Чистопольской земской больнице в Казанской губернии, в годы русско-японской войны - врач сибирского военно-санитарного поезда княгини Юсуповой. В 1906 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины, с 1908 г. приват-доцент Казанского университета, а с 1915 г. - профессор в Донском университете (Ростов-на-Дону). В 1921-1931 гг. проф. Барыкин - директор Института микробиологии ГИНЗа и тогда Самуил Борисович Дубровинский с ним познакомился. В 1931-1932 гг. проф. Барыкин - заведующий кафедрой микробиологии в Киевском медицинском институте (ныне - Национальный медицинский университет имени А.А.Богомольца), в 1932-1933 гг. - директор Азербайджанского санитарно-бактериологического института, с 1933 г. вновь работает в Москве.

В биографических словарях и энциклопедиях указан год кончины В.А.Барыкина - 1942 г.²⁰ Неверный год смерти. Проф. Барыкин, один из лидеров отечественной бактериологии и иммунологии, создатель крупной научной школы, в августе 1938 г. был арестован, 14 апреля 1939 г. приговорен к высшей мере наказания, а на следующий день - 15 апреля - расстрелян²¹.

Видимо после расстрела профессора, родственникам не была сказана правда, а сообщено, что он выслан без права переписки (стандартная ложь “компетентных органов”). Ложь рождает ложь. После реабилитации Владимира Александрович Барыкина в 1955 г., чекисты в справках указали годом смерти 1942. Я помню, когда в советские годы как-то спросил одного историка, почему репрессированный такой-то скончался в 1942 г. и не только он, а многие. Мой историк ответил ходячей дезинформацией пущенной гебистами - Великая Отечественная война ведь была, голодно было, не до зек.

¹Более подробно биография проф. С.Б.Дубровинского изложена в статье: *Васильев К.К.* Профессор С.Б.Дубровинский (1885-1975) и его воспоминания “О памятных встречах” // Сумська старовина. - 2009. - №XXVI-XXVII. - С.154-158.

²*Дубровинский С.Б.* О памятных встречах и контактах с ведущими деятелями советской профилактической медицины (Из воспоминаний старого эпидемиолога) // Сумська старовина. - 2009. - №XXVI-XXVII. - С.158-165.

³*Кускова Е.Д.* Л.А.Тарасевич († 13 июня 1927 г.) // Современные записки (Париж). - 1927. - Т.32. - С.403-404.

⁴Там же. - С.404-405.

⁵Там же. - С.405.

⁶Там же. - С.403.

⁷Там же. - С.401.

⁸Там же. - С.402.

⁹Там же. - С.406.

¹⁰Центральный исторический архив г.Москва (далее - ЦИАМ). - Ф.418. - Оп.292. - Д.105. - Лл.5-7об. (Личное дело студента П.Н.Диатроптова).

¹¹*Диатроптов Д.Б.* О моих родителях // Наше наследие. (Москва). - 1988. - №3. - С.92-94. На с.87 портреты Бориса Александровича и Александры Ионовны Диатроптовых, а на с.86-92 письма В.Ходасевича к Б.А. и А.И.Диатроптовым.

¹²ЦИАМ. - Ф.418. - Оп.292. - Д.105. - Л.4-4об.

¹³Там же. - Л.8.

¹⁴Там же. - Л.35.

¹⁵Знаменательные и юбилейные даты истории медицины 2009 года // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья. (Москва). - 2008. - Тематический выпуск. - С.24.

¹⁶Государственный архив Одесской области. - Ф.16. - Оп.66. - Д.205. - Лл.1-42. (О назначении

на должность земского санитарного врача г.Одесса доктора Диатроптова и о содержании при нем счетчика).

¹⁷Васильев К.К. Диатроптов Петро Миколайович // Энциклопедія Сучасної України. - К., 2007. - Т.7 - С.665.

¹⁸Диатроптов П.Н. X Конгресс французских гигиенистов // Гигиена и эпидемиология. - 1924. - №1. - С.136-137.

¹⁹Мошковский Ш.Д., Духанина Н.Н., Раскин А.Я. Е.И.Марциновский (1874-1934). - М., 1987. - 48 с.

²⁰Миленушкин Ю.И. Барыкин Владимир Александрович // Большая медицинская энциклопедия. Издание 2-е. - М., 1957. - Т.3. - С.466; *Он же*. Барыкин Владимир Александрович // Большая медицинская энциклопедия. Издание 3-е. - М., 1975. - Т.2. - С.573; Дяченко С.С. Владимир Александрович Барыкин // Микробиологический журнал. - 1980. - Т.42. - №2. - С.260-263; 160 років Національному медичному університету імені О.О. Богомольця / С.Г.Гончарук, А.О.Андрушук, І.І.Бобрик та інші. - К., 2001. - С. 299; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура. XVIII - начало XX вв. Биологические и медико-биологические науки. Биографический словарь. - СПб., 2003. - С.38-39.

²¹Барыкин Владимир Александрович // Деятели медицинской науки и здравоохранения и сотрудники и питомцы Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова. Биографический словарь. 1758-2008 г. - М., 2008. - С.49.

Васильев К.К. К воспоминаниям С.Б.Дубровинского (1885-1975) о профессорах Л.А.Тарасевиче, П.Н.Диатроптове, Е.И.Марциновском и В.А.Барыкине

В статье, которая предваряет главу воспоминаний эпидемиолога, доктора медицинских наук, профессора Самуила Борисовича Дубровинского "О руководителях Государственного научного института народного здравоохранения (ГИНЗ): Лев Александрович Тарасевич (1868-1927), Петр Николаевич Диатроптов (1858-1934), Евгений Иванович Марциновский (1874-1934), Владимир Александрович Барыкин (1879-1939)", приводятся основные вехи жизни и деятельности ученого, даются пояснения и дополнения к данному фрагменту его мемуаров.

Vasylyev K.K. S.B.Dubrovinsky's Recollection (1885-1975) Of Professors L.A.Tarasevych, P.N.Dyatropov, E.I.Martsynovsky And V.A.Barykin

The article, told before the recollection chapter of an epidemiologist, Doctor of Medicine, professor Samuil Borisovich Dubrovinsky "About leaders of State scientific institute of public health (SSIPH): Lev Alexandrovich Tarasevich (1868-1927), Pyotr Nikolayevich Diatropov(1858-1934), Yevgeny Ivanovich Martsynovsky (1874-1934), Vladimir Alexandrovich Barykin (1879-1939)", covers main landmarks and activities of the scientist as well there given explanations and additions to this fragment of his memoirs.